

18+

МИХАИЛ МЯСНИКОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КРЕСТ НА БАШНЕ

Михаил Мясников

Железный крест на башне

<https://litres.ru/74291644>

ISBN 9785007080965

Аннотация

Курская битва в самом разгаре. Взвод противотанкистов старшего сержанта Ивана Прохорова несет тяжелейшие потери, сдерживая атаку немецких «Тигров». В воронке от авиабомбы бойцы находят подбитый PzKpfw VI Tiger I с заклинившей башней. Экипаж мертв. Среди убитых немцев — лейтенант-танкист Гюнтер Вебер, чья предсмертная запись в блокноте позже станет важным документом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Железный крест на башне

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-8096-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

5 июля 1943 года. Высота 257,4 под Белгородом.

Воздух пах раскаленным металлом, сгоревшим толом и сладковатой, тошнотворной медью. Солнце, казалось, навсегда застряло в клубях черного дыма, превратив утро в сумерки. Земля ходила ходуном не от ударов — она просто больше не была твердой. Она стала рыхлой, перемешанной с обрывками гимнастеров, щепой разбитых ящиков и гильзами всех калибров.

Старший сержант Иван Прохоров сплевывал эту землю каждые полминуты. Зубы хрустели на зубах. Его противотанковый взвод НСД-45 окапался по гребню высоты, но после третьего захода «лаптежников» — пикирующих Ju 87 — понятие «окоп» стало условным. От первой огневой позиции осталась только оплавленная станина да кисть руки наводчика Васьки Сомова, так намертво вцепившаяся в спусковой рычаг, что ее пришлось вырубать саперной лопаткой. Самого Ваську разорвало прямым попаданием так, что хоронить было нечего.

— Ленту! — просипел второй номер, ефрейтор Гришка «Свистун», перекикая визг очередного минометного разрыва.

Гришка лежал за щитом орудия, его левое плечо превратилось в багровую лохмотьевую кашу. Он зажимал рану

локтем, но кровь все равно густо заливала приклад ружья. Свистуном его прозвали за старый осколок в легком: когда Гришка нервничал или уставал, он начинал тонко, по-комариному свистеть на выдохе. Сейчас он не свистел. Он был сквозь сжатые зубы.

Иван рванул из железного короба новую ленту на пять патронов. Тяжелые 14,5-миллиметровые бронебойные штуки скользили в грязных пальцах. — Готово! — крикнул он, вбивая ленту в приемник.

Справа, метрах в семидесяти, расчет младшего сержанта Петренко пытался развернуть свою «сорокапятку». Орудие уже лишилось одного колеса, а сам Петренко, голый по пояс — рубаху он отдал на бинты — прыгал вокруг лафета, матерясь сложными трехэтажными конструкциями. — Куда ты ее тянешь, черноморец?! — прохрипел Иван, прикладываясь к прицелу. — Броня лобовая у них сто миллиметров! Ты своим горохом только краску им поцарапаешь! Бей по гусеницам!

Петренко обернулся. Лицо его было белым от пыли, глаза казались черными провалами. Он кивнул, сорвал голос окончательно и махнул рукой заряжающему. Сорокапятка гавкнула зло и коротко. Снаряд ушел выше, выбив рыжий фонтан земли перед надвигающимся немецким танком.

«Тигры» шли уступом. Не торопясь, переваливаясь на воронках, как сытые хищники. Их широкие плоские башни медленно вращались, выбирая цель. Звук их моторов

был низким, утробным гулом, который не столько слышался ушами, сколько отдавался болью в самих костях. Это не лязг советских дизелей, рвущих жилы. Это размеренное, уверенное дыхание смерти.

— Третий, дальность восемьсот! По головной машине, упреждение два корпуса! — командовал Иван, хотя командовать было почти некому. Из девяти человек первоначального состава во взводе осталось четверо. Связи со штабом полка не было третий час — антенну разбило еще утром.

Передний «Тигр» вдруг клюнул носом. Правая гусеница разлетелась веском звеньев, танк дернулся и начал разворачиваться на месте, подставляя борт. Кто-то из пехотинцев-дальнобойщиков, зарытых где-то глубоко в балке, достал-таки его из своей ЗИС-3.

— Есть! — выдохнул Гришка-Свистун. — Ваня, жги корму!

Но радовались они секунду. Следующий «Тигр», шедший чуть позади, плавно повернул башню. Выстрел 88-миллиметрового орудия KwK 36 прозвучал не как взрыв, а как удар исполинского пастушьего бича. Воздушная волна сбила Ивана с ног, впечатав лицом в бруствер.

Когда он поднял голову, вместо расчета Петренко зияла дымящаяся воронка. Сама «сорокапятка» исчезла. Только колесо, кувыркаясь, летело в сторону позиций пехоты.

— А-а-а, суки... — протянул Иван, размазывая по лицу грязь пополам с кровью из разбитого носа. Руки тряслись.

Не от страха — страх выгорел еще вчера вместе с травой. От лютой, бессильной ненависти. Они били их, как куропаток, издалека, даже не видя лиц. Просто стирали точки на карте артиллерийским карандашом.

Второй номер снова потянул его за рукав: — Ленту, Иваныч... Итого три в коробке осталось. На один хороший чих.

Иван молча заправил последние пять патронов. Головной подбитый «Тигр» дымил, но из распахнутого люка механика-водителя никто не выпрыгивал. Зато остальные машины перестроились. Теперь их борта были надежно укрыты за корпусом подбитого товарища. Русская пехота начала пятиться назад, к подножию высоты. Оставлять противотанковое ружье без прикрытия означало подписать себе смертный приговор через десять минут.

— Приказываю оставить позицию, — сказал Иван скорее для себя, чем для контуженого Гришки. — Берем трубу, вторую коробку патронов и валим в промоину. Будем ждать их в мертвом пространстве. Может, хоть одну оптику высадим механу...

Он начал откатывать массивное, неудобное ПТРД назад, волоком таща за собой раненного напарника. Гришка перестал выть и теперь только мелко дрожал, глядя куда-то мимо Ивана.

Внезапно земля впереди вздыбилась иначе. Не от взрыва снаряда, а глухо, тяжело, словно кто-то невидимый и огромный бил кулаком снизу. Передний «Тигр», тот самый, под-

битый в гусеницу, качнулся и приподнялся на левой стороне. Внутри него что-то протяжно, мучительно застонало — звук лопающейся броневой стали. Башня съехала набок, повиснув на погонном кольце. А потом изнутри вырвался ослепительный бело-желтый язык пламени.

Детонировал боекомплект. Многотонную башню подбросило метров на семь вверх. Она перевернулась в воздухе и рухнула точно в полуразрушенный ДЗОТ левого фланга, похоронив под собой пулеметчиков.

Взрывная волна догнала Ивана, швырнула вперед. Он проехался каской по щебню, врезавшись плечом в остов сгоревшего грузовика ГАЗ-АА. В ушах стоял сплошной комариный звон.

Сквозь звон пробился новый звук. Совсем рядом. Человеческий.

Иван с трудом разлепил веки. Рядом с ним, привалившись спиной к колесу сгоревшей полуторки, сидел молоденький лейтенант-связист. Лейтенант был цел, только вся его шинель покрыта ровным слоем серой цементной пыли. Он держал в руках винтовку Мосина, но не стрелял. Он смотрел прямо перед собой пустыми глазами и методично, раз за разом, щелкал затвором. Щелк-щелк. Патроны давно кончились, магазин был пуст, но пальцы лейтенанта продолжали свое бессмысленное дело. Щелк-щелк. Механический метроном конца света.

— Эй, — Иван потряс его за колено. — Сынок. Живой?

Лейтенант моргнул. Медленно повернул голову. Губы его дрогнули: — Штаб... накрыло. Прямым. Товарища майора... пополам. Радиста Кольку... Я трубочку выпустил, товарищ старший сержант. Уронил.

Он посмотрел на свои руки, словно удивляясь, почему в них нет тяжелой эбонитовой трубки ТАИ-43. Потом взгляд его упал на догорающий «Тигр». — Красиво мы его? — спросил лейтенант. Голос был мертвым. — Гранатой? — Свои, похоже, — прохрипел Иван, пытаясь встать. Ноги слушались плохо. — Артелью накрыли. Когда отходить начали.

И тут до них долетел запах. Сначала кислый запах тротила, потом смрад горячей резины, а затем ветер донес то, ради чего этот парень рисковал жизнью, сидя в чистом поле. Запах изнутри немецкого танка. Смесь паленой шерсти, пережаренного машинного масла, жженных костей и специфической химии немецкой взрывчатки.

Иван заставил себя подняться. Шатаясь, опираясь на ствол ПТРД, как на костыль, он подошел к краю промоины. Высота стихала. Немцы прекратили атаку. Три оставшихся «Тигра» пятились назад, забирая южнее, уходя из сектора обстрела замаскированной русской артиллерии. Они забрали своих раненых тросами. Порядок есть порядок.

Поле боя осталось за русскими. Но цена этого поля была страшной. Весь склон представлял собой лунный пейзаж. Траншеи засыпало. Вместо взвода пехоты копошились трое: контуженый Иван, плачущий навзрыд лейтенант-связист и

Гришка-Свистун, который наконец потерял сознание, тихо всхлипывая во сне.

Иван доковылял до края огромной воронки, оставленной детонацией «Тигра». Жар опалил лицо. На дне ямы, среди скрученных листов брони, что-то тускло блеснуло. Не золото, не серебро. Другой металл.

Он спустился вниз, пачкая колени в жирном пепле. Раздвинул сапогом горячую золу. Там, присыпанный землей, лежал немецкий шлем-штальхельм. Но не обычный. Обгоревший камуфляжный чехол слетел, обнажив идеально покрашенную фельдграу поверхность. На левом боку шлема черной краской был намалеван угловатый готический крест, а ниже — тактический значок 503-го тяжелого танкового батальона вермахта.

Рядом со шлемом из-под обломка трака торчал кожаный сапог танкиста. Нога внутри переломилась под неестественным углом. Иван хотел толкнуть его стволом ружья, чтобы проверить, нет ли документов, но замер.

Из-за соседнего вала земли, там, где воронка переходила в глубокую трещину, раздался тихий, ритмичный металлический стук. *Клик-клак. Клик-клак.* Не выстрел. Не взрыв. Сухой, механический звук работающего механизма. Словно кто-то в темноте лениво перебрасывал детали разобранного пистолета.

Иван перехватил ПТРД поудобнее, чувствуя, как мгновенно высохло горло. Он сделал шаг к трещине, стараясь не

наступать на горячие куски брони. Лейтенант внизу снова монотонно защелкал затвором.

Иван заглянул в темноту. Там, заваленный землей по самую командирскую башенку, стоял второй «Тигр». Тот самый, который минуту назад расстрелял расчет Петренко. Его длинный ствол с характерным дульным тормозом смотрел прямо в небо. Правая гусеница была порвана. Корпус покоился, сев днищем в мягкую землю. Мотор заглох, и единственным звуком в этом царстве смерти оставался мерный, успокаивающий стук. Это остывала, сжимаясь от перепада температур, казенная часть 88-миллиметровой пушки.

Танк был живым всего две минуты назад. Экипаж наверняка успел выскочить — немцы редко сгорали заживо, если машина сохраняла подвижность. Они где-то здесь, в десяти шагах, прячутся в той же промоине, держат наготове «фаустпатроны» и ждут темноты. Или подмоги.

Иван попятился, выставив тяжелое ружье перед собой. Он уже видел мысленную картину: сейчас из-под катка высунется рука, метнет ручную гранату-колотушку с длинной деревянной ручкой, и на этом история старшего сержанта Прохорова закончится.

Он выполз из воронки, скатился в спасительную промоину к своему расчету и замер, прислушиваясь. Впереди, в ста метрах, возвышалась громада вражеской машины. Идеальный трофей. Исправная радиостанция, полный боекомплект, цейссовская оптика. Если бы завести его, развернуть

башню и дать хотя бы один выстрел в спину отступающим фрицам...

Иван усмехнулся собственной мысли, пересохшие губы треснули. Завести «Тигр» можно было только чудом. А чудес на Курской дуге сегодня больше не выдавали.

— Своя броня ближе к телу, — прошептал он, подтягивая к себе бесчувственного Гришку. — Переждем ночь. Утром придут наши тягачи, заберут это железо на переплавку.

Где-то далеко на востоке, за стеной дыма, пророкотал ответный гром. Это открыла огонь советская контрбатарейная группа. Война продолжалась.

Глава 2

Ночь на высоте 257,4 пахла не победой. Она пахла карболкой, жженой тряпкой и тяжелым духом человеческих испражнений — полк перевязывал раны прямо в воронках, не имея сил отойти в тыл.

Иван Прохоров сидел на корточках под плащ-палаткой, натянутой между двумя обгоревшими вишневыми деревцами, и пытался разжевать сухарь. Челюсти сводило от усталости. Рядом, укрытый с головой шинелью, лежал ефрейтор Гришка «Свистун». Он перестал дышать час назад, так и не приходя в сознание после контузии. Иван закрыл ему глаза еще утром, но убрать тело было некогда — высота снова простреливалась немецкими снайперами. Теперь Свистун просто стал частью ландшафта, таким же серым и неподвижным, как куски бетона вокруг.

— Товарищ старший сержант, — из темноты вынырнул Лёнька, радист. Его мальчишеское лицо было перемазано сажей, а пилотка сидела на самом затылке. — От штаба нарочный. Просили бегом.

Лёнька протянул мятую бумажку. Приказ был коротким и совершенно безумным: *«Командиру ПТР Взвода Прохорову И. С. С получением сего выдвинуться к квадрату 4-Б (воронка у разбитого ДЗОТ). Охранять объект до подхода спецгруппы. Объект не покидать. О прибытии доложить»*. Под-

пись была смазана грязью, но печать внизу стояла настоящая — синяя звезда штаба дивизии.

— Какой еще объект? — прохрипел лейтенант-связист, которого звали Семеном. После вчерашнего он немного пришел в себя, но говорил тихо, словно берег горло. — Там только трупы и железо горелое. — Вот это железо нам и веле-но охранять, — мрачно ответил Иван, сплевывая крошки. — Лёнька, за мной. Семен, держи сектор на три часа. Если фрицы полезут из балки — ори благим матом, уходи низи-ной. Мы выиграем тебе полминуты.

Воронка в квадрате 4-Б была огромной, метров десять в диаметре. Авиабомба SC-1000 легла идеально, выкосив це-лый взвод пехоты. На краю воронки стоял советский танко-вый шлем, надетый на воткнутую в землю саперную лопатку — чья-то черная метка, означавшая «здесь искать нечего».

Они спустились по осыпающемуся склону. Внизу, заваленный комьями сухой земли, стоял он. PzKpfw VI Tiger I. Даже мертвый, присевший на разорванную правую гусеницу, он подавлял. Не размерами даже, хотя башня возвышалась над ними, а ощущением абсолютной, механической мощи. Краска фельдграу во многих местах слезла пузырями, обна-жив молочно-серебристый слой циммерита — антимагнит-ной пасты, которой немцы мазали свои машины от русских магнитных мин. Башня танка была развернута почти строго на север и намертво заклинена попаданием болванки в маску орудия. Ствол задрался вверх под нелепым углом, похожий

на сломанную шею.

— Мать честная... — выдохнул Лёнька, светя вниз трофейным электрическим фонариком «Жук». — Ваня, да он же целехонький! Только гусли порвана. — Целехонький, — передразнил Иван. — А ну посвети на лоб. Видишь след? Это наша ЗИС-3 его поцеловала. Рикошет. Спаси нас господи от такого зверья в открытом поле.

Он осторожно подошел к правому борту, где находился люк механика-водителя. Люк был приоткрыт. Из черной щели тянуло сладковатым запахом тления.

— Прикрывай спину, — бросил Иван Лёньке и заглянул внутрь.

В тесном отделении управления, скрючившись между педалями, висел первый танкист. Немец умер, пытаясь выбраться — пальцы его левой руки были стерты в кровь о край люка, который перекосило от взрыва. На петлицах черного мундира блестели серебряные черепа СС. Дивизия «Мертвая голова». Самые фанатичные.

Иван брезгливо дернул ручку верхнего командирского люка на башне. Тот со скрипом поддался. Внутри что-то тяжело стукнуло и покатилося. Прохоров направил луч фонаря внутрь боевого отделения.

Там царил адский порядок смерти. Наводчик лежал грудью на казеннике пушки, рука все еще сжимала маховик горизонтальной наводки. Заряжающий свернулся клубком у снарядного стеллажа. Прямое попадание советского сорока-

пятимиллиметрового снаряда в стык башни и корпуса разворотило внутренности машины, превратив экипаж в фарш, перемешанный с латунью гильз и осколками брони. Но этот хаос странным образом сохранил геометрию поз: люди погибли мгновенно, не успев осознать конца.

— Эй, панцерники, принимайте гостей, — криво усмехнулся Иван, подтягиваясь на руках и залезая в башню. Резина смотровых приборов хрустнула под подошвами кирзачей. — Жить будете?

Пахнуло густо: сгоревшим пироколлодием, озоном от короткого замыкания и дешевым одеколоном. Иван пошарил рукой по стене боевого отделения. Кобура командира. Пусто. Вальтер валялся на полу, затянутый под погон убитого лейтенанта.

Рядом с рацией FuG 5, чудом уцелевшей среди искореженного металла, лежал планшет. Кожа раскисла от крови. Иван расстегнул его дрожащими пальцами. Карты, кальки с нанесенными позициями... Обычный штабной мусор. Но глубже, во внутреннем кармане планшета, обнаружилась небольшая книжка в твердом переплете. Записная книжка офицера.

Иван пролистал влажные, слипшиеся страницы. Немецкий готический шрифт плясал перед глазами. Последняя запись была сделана карандашом, буквы шли вкось, продавливая бумагу:

«6 июля. 14:20. Русские Иваны сошли с ума. Они броса-

ют в топку всё. Моя рота потеряла два „Тигра“ за пятнадцать минут. Механику Фрицу оторвало ногу ниже колена, он прожил еще семь минут, требуя морфий. Я отдал ему свой шприц. У меня остался один снаряд. Башня заклинена. Мы заперты в этой стальной могиле. Русская пехота уже в мертвом пространстве, они забрасывают нас гранатами сверху. Если дойдет до рукопашной, я успею пустить себе пулю. Хайль Гитлер кажется сейчас самой страшной шуткой на земле. Передать часы моему сыну Клаусу. Гюнтер Вебер, обер-лейтенант...»

Запись обрывалась жирной точкой, пробившей лист насквозь.

Иван захлопнул книжку. Руки перестали трястись. Вместо них пришла холодная, звенящая ясность. Обер-лейтенант войск СС Гюнтер Вебер больше не был врагом. Он стал документом. Пропуском для Ивана Прохорова через любые фильтры Особого отдела НКВД. Никто не поверит на слово угрюмому пехотному сержанту, что тот нашел исправный «Тигр», но записная книжка эсэсовца заставит слушать кого угодно.

Снаружи загрохотало. Сначала глухо, потом ближе. Земля дрогнула. — Минометная вилка! — заорал снизу Лёнька. — Третий ложится недолетом!

Очередная мина хлопнула совсем рядом, засыпав открытый люк сухим песком. Иван сунул книжку за пазуху, поближе к сердцу. Выбрался из башни, чуть не сорвавшись — но-

ги онемели от неудобной посадки.

— Что там? — крикнул снизу лейтенант Семен, прижимаясь к стенке воронки. — Мертвые кости, — отозвался Иван, скатываясь вниз. — И хорошая новость: радиостанция у них жива. Питание внешнее есть. Если кинуть «лапу» от нашего РБ, можно их волну слушать. Узнаем, куда они завтра попрут. — Так чего мы ждем? — Семен вскинул голову. — Где твоя спецгруппа?

Иван посмотрел на него, потом на черный провал танкового нутра, потом на бледное небо. Спецгруппа наверняка завязла где-нибудь в балке или вообще забыла про них в этом кровавом бардаке. Оставлять такую машину без охраны нельзя — ночью придут немецкие разведчики на полугусеничных бронетранспортерах Sd. Kfz. 251, зацепят тросами и уволочут к себе. Или сожгут термитным зарядом.

А если ее попробовать спасти самим?

Мысль была дикой, невозможной, самоубийственной. Чтобы завести немецкий танк, нужно знать схему расположения топливных баков — основного в корме и резервного под поликом боевого отделения. Нужно уметь работать с двенадцатицилиндровым «Майбахом», который капризнее любой шлюхи. Нужны снаряды специфического калибра 88 миллиметров, которых нет ни на одном советском складе боепитания.

— Никого мы не ждем, — медленно проговорил Иван, глядя мимо лейтенанта, в темноту. — Лейтенант, слушай

боевой приказ. Беги в расположение второй роты. Найдешь старшину Васнецова. Скажешь, чтобы дал троих людей покрепче. Желательно тех, кто до войны трактора в МТС гонял. И пусть захватят лом и ножовку по металлу. Бегом, Се-
ня. Одна нога здесь, другая там. — Ты сдурел, Прохоров? Каких людей? Куда? Нас тут накроют артиллерией через полчаса! — Не накроют, — Иван кивнул на огромную тушу «Тигра». — Пока эта дура стоит здесь, немцы будут думать, что внутри засада. Будут беречь снаряды. А мы пока похороним наших. Всех. Сложим туда, в десантный отсек на корме. Место хватит. Негоже Свистуна воронам оставлять.

Семен смотрел на старшего сержанта широко раскрытыми глазами. В них читался ужас пополам с зарождающимся безумием — точно таким же, какое вчера плескалось в глазах самого Семена.

— Ты хочешь... ты собрался его заводить? — прошептал связист. — Я хочу дожить до рассвета, — отрезал Иван. — А броня, она, знаешь ли, штука надежная. Если своя закончилась, приходится пользоваться чужой. Выполнять приказ!

Связист козырнул неумело, едва не потеряв пилотку, и исчез в темноте, растворившись в грохоте далеких разрывов.

Лёнька тем временем деловито сматывал провода, готовясь подключать трофейную станцию к своему аккумулятору. Он делал вид, что полностью поглощен делом, но Иван видел, как мелко ходят желваки на скулах мальчишки.

— Радист, — окликнул его Иван. — Я, товарищ старший

сержант, — Лёнька вытянулся, стараясь придать своему тощему телу строевую выправку. — Как думаешь, справимся? Лёнька оглянулся на темную гору немецкого железа. Посмотрел на звезды, которые едва пробивались сквозь дым. — Справимся, товарищ старший сержант. Нам теперь либо «Героя» дадут, либо к стенке поставят. Третьего не дано. Мне мамка писала, что лучше помереть героем, чем жить трусом. — Дурак ты, Лёня, — беззлобно вздохнул Иван, доставая кисет. — Жить всем хочется. Даже героям. Давай, крути свою шарманку. Послушаем, о чем фрицы завтра плакать будут.

Он сел на пустой ящик из-под советских патронов, спиной прижавшись к теплему — остывающая броня отдавала жар дневного солнца — боку вражеской машины. Впереди была самая длинная ночь в его жизни. Ночь, которую предстояло провести в компании четырех мертвецов внутри и одного живого мальчика снаружи, ожидая связи и надеясь на чудо.

Глава 3

Ночь тянулась, как засохшая на ране смола. Иван сидел в воронке, кутаясь в трофейную немецкую шинель — свою телогрейку он отдал Лёньке, который дрожал у радиостанции так, что стучали зубы о край эмалированной кружки с остывшим кипятком.

«Тигр» возвышался над ними черной бесформенной глыбой. Внутри него, прямо за башней, где у немецких машин находился отсек для хранения снарядов и личных вещей (десантный «аппендицит»), теперь лежали их мертвые. Сви-стун, наводчик Васька Сомов и трое пехотинцев из роты Пет-ренко. Места хватило всем. Иван накрыл лица брезентом, но запах тлена все равно просачивался наружу, смешиваясь с запахом озона от работающих аккумуляторов РБ.

— Работает, товарищ старший сержант! — возбужденно зашептал Лёнька, протягивая Ивану один наушник ТОН-2. — Я волну поймал! Сорок вторая точка восемь. Они там совсем страх потеряли, открытым текстом базарят!

Иван прижал холодную чашечку к уху. Сначала был только треск атмосферных разрядов, а потом сквозь него прорвался четкий, лающий голос: — *Ахтунг всем постам. Ахтунг. Шварцер Адлер-два вызывает Центр. Объект Альфа-три обстрелян собственной артиллерией. Повторяю, дружественный огонь. Русские используют наши машины*

как наживку. Потерь нет. Продолжаю движение по маршруту Змея.

Лёнька торжествующе посмотрел на Прохорова. — Слышали? Знают они про наш танк! Только думают, что внутри сидят ихние панцергренадеры или разведка боем работает. — Или трупы свои прячут, — мрачно добавил лейтенант Семен, сидевший по другую сторону воронки. Он весь подобрался, исчезла вчерашняя заторможенность. Теперь это был хищник, ждущий броска. — Значит, утром сюда придут проверять. Нас выкуривать.

— Не придут, — Иван вынул из-за пазухи записную книжку обер-лейтенанта Вебера. Она почти высохла, страницы чуть покособились, но готический почерк читался легко. Рядом, завернутый в промасленный пергамент, лежал планшет.

Иван расстелил на коленях карту. Это была не обычная тактическая калька взводного уровня. Это был рабочий экземпляр карты штаба дивизии, отпечатанный на плотной вошеной бумаге. Масштаб один к двадцать пяти тысячам. Вся северная часть Курской дуги была исчерчена красными карандашами штабных аналитиков вермахта.

— Гляди сюда, Сеня, — Иван ткнул грязным ногтем в жирный красный клин, упирающийся острием точно в их высоту. — Вот наша 257,4. А вот этот штрихпунктир... Это направление главного удара. Через нас должны были пройти три полка мотопехоты и вот эти ромбики. Семьдесят шесть танков. Основной таран.

— Проломили бы они нас, как бумагу, — тихо сказал Семен. — Если бы мы вчера фланги не подожгли... — Не проломили бы, — перебил его Иван. — Потому что здесь, — он перевернул страницу книжки Вебера, — написано почему.

Он начал читать вслух, переводя механически, слово за словом, вспоминая школьный немецкий и то, чему научился еще в Финскую: — *«Десятый день без полноценного сна. Горючее подвозят авиацией, каплями. Фюрер обещал, что „Цитадель“ закончится через неделю. Майор фон Клаус рвет волосы. Из обещанных ста двадцати „Пантер“ до передовой дошли сорок две. У остальных горят коробки передач на маршах. Механики спят под машинами. Боеприпасы для „восемь-восемь“ экономят строжайше. Приказ: осколочно-фугасные использовать только по скоплениям пехоты, бронетанковые беречь исключительно для встречного боя с русскими КВ и новыми тридцатьчетверками с восьмидесятипятимиллиметровой пушкой...»*

Иван поднял глаза на лейтенанта. В свете луны лицо связиста казалось высеченным из камня. — Ты понимаешь, Сеня? Их главный удар вязнет в собственном дерьме. У них техника ломается быстрее, чем ее подбивают. А БК берегут, потому что колонны рвут штурмовики. Мы тут зубами держимся не против стальной лавины. Мы держимся против выдохшегося зверя.

Вдруг радиостанция снова ожила. Но на другой частоте. Голос был женским, низким, с легким славянским акцентом,

говорящим на безупречном немецком языке. Диктор радио Москвы вела агитацию для войск противника, знаменитая «Наташа». — ...солдаты группы армий «Юг». Ваши ефрейтор Хорст замерз в окопе под Томаровкой. Ваши танкисты гауптман Вебер сгорели заживо в машине номер двести двенадцать. За что? За земли, которые никогда не станут вашими. Переходите на сторону Красной Армии. Вас ждет горячая еда и жизнь...

Лёнька фырнул, едва не расплескав чай: — Ишь ты, «горячая еда»! Прямо курорт обещают. Кто ж им поверит? — Умный человек поверит, — неожиданно жестко ответил Семен. — Потому что она говорит правду. Про Вебера знает, значит, разведка у них работает.

Иван свернул карту. Информация стоила дороже золота. Если передать точные координаты этого клина и данные о нехватке горючего в особый отдел, авиация перепашет их тылы так, что второй атаки просто не будет. Но сначала нужно было выжить.

— Так, братцы, — Иван поднялся, хрустнув коленями. Ноги затекли. — Развлеклись разговорами, пора работать. Лёня, крути дальше эфир, но уши не развешивай. Как услышишь позывной «Шварцер Адлер» — ори мне в самое ухо. Семен, бери ПТР. Пойдешь со мной. — Куда? — насторожился лейтенант. — Наверх. Охранять будем. Немец ночью слепой, боится своей тени. А нам надо понять, как эту консервную банку открывать.

Они выбрались из воронки. Воздух наверху показался свежим, хотя пахло все той же гарью. Иван подошел к корме «Тигра», присел на корточки возле массивного прямоугольного люка доступа к двигателю. Замки были задраены изнутри мощными барашками.

— Без ключа зажигания хрен заведешь, — пробормотал Иван, ощупывая броню. — Там замок электрический стоит. Плюс стартер блокирует, если коробка на передаче. Нужен рычаг ручного запуска. Который крутить ручкой, как на полуторке. — В танках такого нет, — возразил Семен, светя фонариком. — Там только электрика. — У немцев всё есть, — усмехнулся Иван. — Они хозяйственные. Лёха, кинь мне ножовку. Ту, что саперы оставили.

Пока Иван пилил скобу, удерживающую запасное траковое звено на борту танка (оно мешало подойти к буксировочным крюкам), Семен стоял шагах в десяти, глядя в степь. Его силуэт четко рисовался на фоне начинающего сереть неба.

— Ваня, — вдруг позвал он, не оборачиваясь. — Зачем тебе это? Ну заведем мы его. Допустим. Первый поворот рычага — и башня может сорваться с стопора. Заклиненная. Она рухнет нам на головы. Или мотор схватит клина от перегрева. Или гусеница слетит. Мы же не мехводы. Мы пехота. Нас учили лопатой убивать, а не барханы ворочать.

Иван разогнулся, вытирая пот рукавом немецкой шинели. От тяжелой работы дыхание сбилось. — Затем, Сеня, что я больше не хочу смотреть, как моих ребят разрывает на куски

те, кто сидит внутри такой вот коробки. Когда мы бежим по полю, мы мишень. Мясо. А когда я буду сидеть вот здесь, — он похлопал холодный металл борта, толщиной в десять сантиметров, — пусть меня попробуют достать. Пусть сунутся. Мы им такую «Курскую дугу» устроим в обратную сторону, что Берлин вздрогнет.

Он говорил спокойно, буднично, словно обсуждал покос забора. Но в этой будничности сквозило такое ледяное безумие отчаяния, что Семен невольно сделал шаг назад.

— Кроме того, — продолжил Иван уже тише, возвращаясь к ножовке, — в планшете этого Вебера есть расписание радиосвязи. Пароли на завтрашний вечер. Позывные снабжения. Если Лёнька настроит нашу станцию на их волну и мы скажем правильный пароль, немцы сами сбросят нам ящики с тушенкой и снарядами вон в ту балку. По ошибке. Война любит идиотов и наглецов. А мы сегодня побудем немного наглецами.

Справа, в низине, где проходила лощина, протяжно и тоскливо завывала собака. Звук оборвался коротким визгом. Наверное, наступила на мину. Иван замер с занесенной ножовкой. Посмотрел на восток. Небо там стало пепельно-лиловым. До рассвета оставалось меньше двух часов.

— Пилу давай, — прохрипел сверху Лёнька. — Я верхний люк мехвода погнул монтажкой, щель появилась. Надо расширять, пока темно. Как полезем внутрь — будешь подавать мне инструменты. — Какие инструменты? — тупо спро-

сил Семен. — Все, какие найдем, — отозвался Иван, передавая пилу. — Ключи, молотки, изоленту. Нам завтра машину оживлять. Нужно знать, где у нее сердце бьется.

Он снова спустился в воронку, достал планшет Вебера и развернул последнюю вкладку — лист плотного ватмана, сложенный в несколько раз. Это был чертеж внутреннего устройства башни PzKpfw VI. Схема аварийного покидания машины, схема электропроводки и, самое главное, крупно прорисованный казенник пушки KwK 36.

На полях чертежа твердым офицерским почерком было приписано замечание, которое заставило Ивана впервые за ночь улыбнуться по-настоящему, широко и зло: *«Примечание для пополнения: русский противотанковый снаряд калибра 14.5 мм застревает в циммерите, не причиняя вреда. Для поражения оптики механика используйте гранату образца 1924 года, привязанную к шесту. Броня водителя слева имеет ослабленную зону. Хайль Гитлер — плохая замена отсутствующему прибору наблюдения».*

— Ученый, зараза, — прошептал Иван, бережно складывая чертеж. — Ничего. Будет тебе экзамен пересдача. Завтра на рассвете.

Где-то далеко глухо зарокотала канонада. Начиналось утро 7 июля.

Глава 4

Рассвет на Курской дуге не принес облегчения. Солнце, выползая из-за дымного горизонта, казалось багровым, воспаленным глазом. Оно просто подсветило масштабы вчерашнего побоища. Высота 257,4 превратилась в кладбище техники.

Иван Прохоров стоял перед мертвым зверем, чувствуя, как утренний холод забирается под трофейную немецкую шинель. Лёнька сидел верхом на корпусе у командирского люка, свесив ноги внутрь башни, и сосредоточенно ковырял отверткой в разбитой панели радиостанции FuG 5. Семен чистил затвор ПТРД, разложив детали на броне — масляная тряпка казалась неестественно яркой среди серого пепла.

— Батареи сели, — доложил Лёнька, вытирая нос рукавом. — Крутит вполсилы. Искры есть, но вспышки нет. Аккумуляторы эти... они же танковые, вольтаж другой. Если напрямую к нашему РБ подключить — спалим всю их проводку к чертям собачьим. Там реле нежные. — Значит, будем крутить ручками, — отрезал Иван. Он похлопал себя по карману, проверяя наличие планшета Вебера. — План такой. Сейчас снимаем кормовой лист. Смотрим, что там с топливопроводами. В книжке этого обер-лейтенанта написано: основной бак пробит осколком, но резервный под поликом цел. Сорок литров должно быть. На прогрев хватит. А

дальше... — А дальше нас накроет гаубичная батарея, которая стоит вон в том яблоневом саду, — спокойно закончил Семен, защелкивая крышку ствольной коробки. — Ваня, ты понимаешь, что если мы заведем эту шарманку, нам придется ехать? Прямо через минное поле наших же инженеров? Они вчера только колею провешивали, половина флажков уже сгорела.

Иван подошел вплотному к лейтенанту. Ростом он был ниже, но смотрел так, что Семен невольно сделал полшага назад, упершись лопатками в шершавую броню. — У тебя есть другие предложения, Сеня? — голос Ивана стал тихим, почти ласковым, от чего стало еще страшнее. — Сидеть здесь и ждать, пока ягдкоманда СС приползет снимать оптику? Или поднять руки и пойти сдаваться вон тем куштам? Мы пехота. Наша задача — прорвать оборону. Танк — это лучшая лопата для прорыва. Я его заведу. Даже если мне придется этот двенадцатицилиндровый гроб руками крутить, как мясорубку. Вопрос закрыт.

Он повернулся к танку. Общение закончилось. Началась работа.

Люк механика-водителя действительно удалось отжать. Ночью Лёнька погнул край брони саперной монтажкой, а Иван добил дело ударом кувалды. Образовалась щель шириной в ладонь. Темнота внутри пахла озоном, остывшим металлом и сладковатой гнилью — тело водителя так и висело на педалях, перекосив своим весом рычаги управления.

— Лёня, свети, — приказал Иван. — Только аккуратно, башкой о приборы не приложишься.

Втиснуться в отделение управления было пыткой. Для двоих места не хватало категорически. Иван протолкнул плечи вперед, лег грудью на колени мертвому немцу и принялся ощупывать приборную доску. Под пальцами зашуршала бумага. Это была инструкция по эксплуатации, приклеенная клеем прямо на металл над тахометром. Готический шрифт расплывался.

— Так... *Anlasser*... Стартер, — бормотал Иван, водя пальцем по схеме. — Вот эта красная кнопка. Но она обесточена. Где ручной кривой стартер? — Справа от сиденья! — крикнул сверху Лёнька. — Там должна быть прорезь в кожухе трансмиссии! Как на «Комсомольце», только толще!

Иван завертелся ужом. Мертвец мешал страшно, приходилось постоянно отталкивать его плечом, чтобы дотянуться до рычагов. Колени упирались в холодное ребро аккумулятора. Наконец пальцы наткнулись на холодный металлический диск с отверстиями. Заглушка ручного запуска.

— Нашел, — выдохнул Иван. — Теперь топливо. Лейтенант! Открывай краник резервного бака. Он должен быть слева от твоих ног, под жестяным щитком. Красная рукоять!

Семен, которому пришлось лезть в боевое отделение через узкий верхний люк, чертыхаясь и цепляясь ремнями снаряжения за острые края разорванной корзины антенны, скатился вниз. Его тяжелые яловые сапоги гулко ударились о

полик. — Тут всё скользкое! — пожаловался он. — Кровищи... И гильзы горячие еще где-то катаются. Нашел красную. Дергать? — Медленно! — рывкнул Иван. — Чуть-чуть. Чтобы соляра пошла в фильтры, но насос не захлебнулся.

Снаружи раздался тонкий свист. Гришка-Свистун словно вернулся ненадолго, чтобы проводить командира. Нет, это ветер пошел гулять по арматуре разбитых укреплений. Иван перекрестился левой рукой, правой продолжая искать фиксатор крышки моторного отсека.

— Есть контакт, — просипел он. — Инструменты сюда давай. Нужно снять защиту с вентилятора, иначе при запуске руку отрубит к шутам. Лопасть весит пуд.

Работа заняла сорок минут. Время измерялось стертыми в кровь костяшками пальцев и матом Семена, который никак не мог приноровиться подавать тяжелый разводной ключ в тесноту. Немецкие инженеры собирали свои машины с прецизионной точностью — болты сидели намертво, приржавев от ночной сырости.

Наконец защита была снята. Перед ними открылось сердце «Тигра» — исполинский V-образный двигатель Maybach HL 230 P45. Огромный, сложный, похожий на внутренности инопланетного корабля. Латунные трубки, тяги, форсунки.

— Господи Иисусе, — выдохнул Семен, глядя на сплетение металла. — Как ЭТО работает? Тут же деталей больше, чем во всей нашей деревне моторов. — Работает оно громко, — Иван стянул с головы каску, вытер лоб тыльной стороной ла-

дони. Руки ходили ходусом. Усталость навалилась бетонной плитой. — Значит так. Я сейчас вставляю рукоятку. Крутим плавно, без рывков, раз десять-пятнадцать. Масло загустело. Создаем давление. Потом ты, Сеня, жмешь кнопку декомпрессора на блоке цилиндров. Я даю газ этим рычагом... вот этим... и резко докручиваю. Понял? — Ты меня за кого держишь? — обиделся Семен. — Я хоть и связист, но технику знаю. Жму декомпрессор, ты крутишь. Главное, чтобы башня не рухнула. Она на честном слове держится. — Не рухнет, — Иван достал из-за пазухи тряпицу, бережно завернутую в несколько слоев. Развернул. Внутри лежала граната Ф-1. — Если начнет падать, дергаю кольцо и ухожу под днище. Лучше без головы, чем фаршем по гусеницам. Ну, с Богом.

Он вставил тяжелую железную рукоятку в гнездо. Металл лязгнул о металл. Иван повис на ней всем телом. Коленвал не шелохнулся. — Прикипело... — прохрипел он. — Лёня! Полежай ко мне! Навались со мной! Синхронно! На счет три!

Радист, втиснувшийся между раскаленным бортом и спиной Ивана, пискнул: — Может, молитву прочтем? — После прочтения! — гаркнул Прохоров. — Три!

Они навалились вдвоем. Сначала скрипнуло. Потом сопротивление чуть ослабло. Железяка пошла туго, рывками. Раз. Два. На пятом обороте из выхлопных труб на корме вырвались первые клубы сизого дыма. Запахло горелым маслом.

— Давление пошло! — ободрился Иван. — Еще пять раз!

Сильнее! Работаем мышцами, товарищи танкисты!

На десятом обороте дизель издал глубокий, утробный вздох. Воздух вокруг танка задрожал. — Декомпрессор! — взревел Иван, перехватывая рукоять удобнее. — Жми, Сеня!

Пальцы лейтенанта метнулись к черной кнопке на блоке цилиндров. Нажатие. Иван вложил последние остатки сил в финальный рывок.

Мотор чихнул. Громко, зло, выплюнув из правого борта клуб черного мазутного дыма. Вздогнул. И снова затих.

— Мало топлива дошло, — быстро заговорил Иван, стараясь удержать рвущееся из груди дыхание. — Насос качает медленно. Дай ему секунд десять. Лёня, слезай оттуда, придавит. Сеня, палец держи на кнопке. Готовность номер один.

Вторая попытка. Рукоять шла легче. Двигатель схватывал короткими, судорожными вспышками. *Бдах-бдах-бдах!* По корпусу прошла мелкая дрожь.

— Газу подбери! — крикнул Семен, перекрикивая нарастающий рокот. — Зальет свечи!

Иван пошарил свободной рукой в темноте, нашел тягу привода дроссельной заслонки. Потянул на себя. И тут земля ушла из-под ног.

«Майбах» взревел. Не зарычал, как советский В-2, а именно взревел высоким, вибрирующим тенором, переходящим в оглушительный свист турбины нагнетателя. Сто миллиметров лучшей крупновской стали работали как идеальный резонатор. Звук заполнил собой все пространство высо-

ты. Казалось, сама планета застонала от боли.

Внутри танка запахло грозой — это заработал генератор. Приборы на панели вспыхнули тусклым желтым светом. Омертвевший силуэт машины ожил.

— Глуши! — закричал Семен, зажимая уши. — Глуши его, дурак! Весь фронт сейчас сбежится!

Но Иван не слышал. Он сидел на месте убитого немецкого панцергренадера, вцепившись побелевшими пальцами в обрезиненные ручки рычагов управления. Рычаги больше не были мертвыми железками. За ними чувствовалось чудовищное усилие сухих фрикционов. Машина дышала.

Иван нажал на педаль главного сцепления. Педаль подавалась тяжело, но ходила. Он толкнул правый рычаг вперед. Послышался сухой металлический щелчок. Коробка передач приняла нагрузку.

— Едет... — прошептал Иван. Из уголка рта потекла струйка крови — прикусил язык от напряжения. — Ребята... Эта сука едет.

Наверху, на гребне воронки, вскочил Лёнька. Он размахивал пилоткой и орал что-то неслышное в этом реве, но лицо его сияло чистым, незамутненным восторгом победы.

Рев внезапно обрезало. Наступившая тишина показалась более громкой, чем сам звук. Иван случайно задел рубильник массы. Электрика погасла. Двигатель смолк, но в ушах продолжал стоять звон.

— Горючего четверть бака, — прохрипел Иван, выбира-

ясь наружу. Ноги не слушались, мышцы спины свело судорогой. — Масло в норме. Вода... воды нет, радиатор пробит выше уровня, текло на землю. До штаба не дойдем, вскипим. Но до того леска доползем.

Он выбрался на воздух, упал на четвереньки и долго кашлял, выхаркивая сажу из легких. Семен молча протянул ему флягу. Иван пил жадно, ледяная вода стекала по щетине на грязную шею.

— Что комбригу скажем, когда очнется? — спросил лейтенант, пряча улыбку. — Что угнали вражескую бронетанковую единицу покататься? — Скажем правду, — Иван вернул флягу. Лицо его снова стало суровым, собранным. Правый глаз начал заплывать синяком от удара о кромку люка. — Скажем, что согласно приказу командования подготовили подвижную огневую точку. А теперь слушать мою команду. Семен, берешь ПТР. Занимаешь позицию вон в той промоине, сектор на юг. Стреляешь только если попрут эсэсовцы. Лёнька, хватай аккумуляторы, полезешь в башню, будешь держать связь. Попробуй найти волну снабжения, про которую писал Вебер. Пароль «Шварцер Адлер».

Иван посмотрел на часы. Без четверти семь утра. — Через полчаса наши артиллеристы начнут контрподготовку. Будет шумно. Под этот шум мы развернемся. Гусеницу починить времени нет, значит, поворачивать буду одним бортом. Механик-водитель из меня, как из политрука балерина, так что держитесь крепко. По местам.

Общение снова свернулось до коротких команд. Герои перестали быть людьми. Они стали деталями огромного, смертоносного механизма, который Иван Прохоров только что заставил биться заново.

Глава 5

Блиндаж майора Зверева пах мокрым шинельным сукном, трофейным шнапсом и застарелым махорочным перегаром. Сам майор — грузный мужчина с лицом цвета сырой глины — нависал над самодельным столом из снарядных ящиков. Перед ним расстелена была карта-двухверстка, придавленная по углам двумя «лимонками» Ф-1 без колец.

Напротив майора стоял Иван Прохоров. Стоял уже сорок минут. Ноги гудели после ночной атаки, в сапогах противно хлюпало, а гимнастерку хоть выжимай. Но сесть ему не предлагали.

— Значит так, старший сержант, — майор ткнул тупым концом химического карандаша в карту, где жирным кружком был обведен квадрат их высоты. — Слушать внимательно. Повторять не буду. Из штаба армии пришел приказ. За подписью самого... ну, ты понял. Всю исправную вражескую технику на нашем участке фронта эвакуировать для изучения. В Москву. На Кубинку.

Зверев поднял красные от недосыпа глаза на Ивана. — Видел твой рапорт. И докладные лейтенанта-связиста Семёна. Вы там целую панцирную дивизию пожгли ночью. Молодцы. Ордена будут. Если доживете. А теперь новость плохая: тягачи «Ворошиловец» к вашей высоте пройдут только через три дня. Когда фрицы обратно ее отобьют вместе

с вашим мясом. Вопросы есть? — Никак нет, — деревянным языком ответил Иван. — Разрешите идти организовывать оборону? У меня взвод неполного состава... — Сядь, — рыкнул майор. — Оборону он пойдет организовывать. Нет больше твоего взвода, Прохоров. От слова совсем. Пехота отошла на вторую линию. Мы оставили высоту как наживку. Приказ понятен?

Иван медленно опустил на пустой ящик. Внутри все заледенело. Оставить высоту. Отдать немцам трупы ребят, разбитую «сорокапятку» и этот чертов подбитый «Тигр», который они полночи караулили, ожидая ягдкоманду.

— Товарищ майор... Там же эсэсовцы кругами ходят. Они своих танкистов никогда не бросают, обязательно полезут снимать оптику и радиостанции. Меня четверых осталось. Не удержим мы эту дуру до ночи. — А тебя никто удерживать не просит, — майор тяжело вздохнул, достал из-под стола помятую алюминиевую кружку, плеснул туда воды из графина. — Тебе приказывают иное. Завести его.

В блиндаже повисла тишина, нарушаемая лишь треском полена в чугунной буржуйке. Ивану показалось, что у него звенит в ушах. — Что завести? — переспросил он, хотя прекрасно слышал. — Танк свой трофейный. PzKpfw VI. Который Вебер. — Товарищ майор, я бронебойщик! Я знаю, куда пуле лететь и куда болванке. Я эти коробки жечь умею. А внутри... там же механика гидравлическая, там трансмиссия планетарная, там карбюраторы двойные этого... Майбаха! Я

в своей полуторке свечи поменять не могу, мне зампотех нужен!

— Мне плевать, кто тебе нужен! — кулак майора обрушился на ящик так, что подпрыгнули кружки. — Мне машина нужна! Живая! Чтобы ствол дышал! Штаб дает нам одну попытку. Немцы сейчас очухаются, подтянут зенитки восемь-восемь, перемешают нашу пехоту с землей артподготовкой. Нам нужно чем-то заткнуть дыру. Свои КВ еще на марше вязнут, тридцатьчетверки горят как свечи. А у нас тут стоит целый, мать его, «Тигр». Со стволом. С броней.

Майор наклонился вперед, перейдя почти на шепот: — Инженеры сказали: гусеница порвана, но катки целые. Башня заклинена набок — это плохо, маневрировать огнем нельзя, придется корпусом ворочать. Радиостанция цела. Движок вроде не загорелся. Горючего литров пятьдесят должно быть в резерве. Справишься, Иваныч. Ты мужик смекалистый. До войны кем был? — Трактористом, — глухо выдавил Иван. — Вот! — майор торжествующе стукнул пальцем по столу. — Тракторист! Это считай готовый механик-водитель тяжелого танка. Принцип тот же, только рычагов побольше.

Он выпрямился, одернул портупею. Игра в отеческую заботу закончилась. Вернулся командир полка. — Слушай боевой приказ, старший сержант. Первое: танк завести. Второе: пополнить боекомплект. Рядом с вами валяются два ваших сгоревших «тигра», прострелили им маски орудий или разбери укладку, если немцы сами снаряды не расстреля-

ли. Переложил себе. Хоть парочку осколочно-фугасных добудь, пехоту пугать. Третье: использовать машину как подвижную огневую точку. Занять позицию во впадине левее гребня. Работать из-за укрытия методом «выстрел — откат». Покажись немцам, сожги их разведку, спрячься. Главное — продержаться до восемнадцати ноль-ноль. Как стемнеет — бросишь машину, взорвешь гранатой боеукладку и уйдешь к своим. Понял?

— Разрешите обратиться? — голос Ивана сел до сипа. — Ну? — Кто со мной? Одному там делать нечего. Нужен второй номер. И заряжающий. И радист наш, Лёнька, пусть сидит сверху, слушает их эфир, чтобы мы знали, когда по нам фаустники работать начнут.

Майор криво усмехнулся, подошел к выходу из блиндажа и крикнул в траншею: — Куликова ко мне! И Рыжова! Да живее, черти, там мины ложатся!

Первым спустился Степан Куликов. Настоящий медведь — широкий в плечах, заросший черной бородой по самые глаза. Бывший бригадир МТС из-под Курска. Он молча козырнул, мазнув взглядом по карте, потом посмотрел на свои огромные ладони. Помял их. Посмотрел на Ивана. — Маховики тугие, товарищ старший сержант? — спросил он басом, словно о погоде. — Пока не пробовал. Закисло всё. — Разработаем. Где ключи брать будем?

Следом скатился в блиндаж Миша Рыжов. Совсем пацан, девятнадцать лет, лицо конопатое, веснушки даже сквозь

слой окопной грязи проступают. В руках держал две немецких каски, связанных ремешком за уши. — Во, товарищ майор, — радостно доложил Миша, протягивая каски. — Чистые. И танковая гарнитура связи. Две штуки нашел в воронке, прямо на убитом обер-лейтенанте сидела. Только провода перепутаны, шипит сильно.

Майор взял каску, покрутил, заглянул внутрь. — Надевай, Рыжов. Теперь ты заряжающий отдельного трофейного экипажа. Будешь жить вон там, — он ткнул пальцем в сторону «Тигра». — Подавать снаряды старшему сержанту. Если башня заклинена, будешь бегать вокруг машины. Услышишь свист — падай в ближайшую воронку. Жизнь дороже железки.

Последним появился Лёнька. Худой, сутулый, с огромными наушниками поверх пилотки. Он прижимал к груди деревянный ящик с инструментами связиста и аккумулятор РБ. — Товарищ майор, рядовой Соколов по вашему приказанию прибыл! — отчеканил он, пытаясь вытянуться во фрунт, но зацепился проводом за гвоздь. — Отставить цирк, — поморщился Зверев. — Рядовой Соколов. Полезешь на броню. Вот тебе немецкая радиостанция FuG 5. Она работает. Аккумуляторы живые. Задача: найти волну снабжения немцев. Пароль «Шварцер Адлер». Если услышишь координаты их минометчиков — ори благим матом вниз. Понял? — Так точно! — просиял Лёнька. — Я частотную таблицу смотрел, товарищ майор! Там диапазон УКВ четкий, модуляция ампли-

тудная. Я их штаб дивизии слушать буду, как сказку на ночь!

Майор обвел всех четверых тяжелым взглядом. — Запомните, герои. Никто вам этой авантюры не приказывал. Это моя личная инициатива. Если загремите под трибунал за самоуправство — я вас первый сдам. Но если выгорит... каждому по «Звезде». Или березовый крест. Решать будете по ходу пьесы. Всё, пошли вон отсюда. Через час начнется ад, вам надо успеть занять место.

Когда они выбрались из душного блиндажа на свет божий, солнце снова скрылось в дыму. Война продолжалась.

До позиций было метров сто открытого пространства. Пришлось бежать пригнувшись. Мины хлопали то слева, то справа, осыпая их комьями сухой земли.

Первой добралась до танка группа прикрытия — те самые пехотинцы, которые остались сидеть в мертвой зоне. Их возглавлял старшина Васнецов — жилистый татарин с серебряной фиксой. — Здорово были, трактористы, — ухмыльнулся Васнецов, выпуская струю дыма. — Залезайте, пока целы. Мы тут бруствер нарастили перед вашей мордой, чтоб маскировка была. Только люк мехвода не открывайте — снайпер пасет именно его. Головы сразу сносит.

Степан Куликов обошел танк кругом, похлопывая ладонью по гусеницам. Остановился у кормы, присел, потрогал выхлопные патрубки. — Теплый еще, — констатировал он, вставая и отряхивая руки. — Значит, вчера сам встал. Мотор живой. Только грязью забило решетки, вскипит быстро. —

Чем крутить будем? — спросил Иван, доставая планшет Вебера. — Кривого стартера я в комплекте инструментов не вижу. — Немцы ленивые, — прогудел Степан. — Им электричество подавай. Ладно, лезь в десантный отсек, ищи клеммы для внешнего питания. У Лёньки аккумуляторы есть, спарим. А я пока смотровые приборы проверю. Если зеркала побиты — ехать будем вслепую.

Миша Рыжов тем временем деловито раскладывал немецкие снаряды прямо на горячей броне. Он работал быстро, сноровисто, успевая при этом болтать без умолку, сбрасывая напряжение: — ...а я ему говорю, дядя Степан, да разве ж это калибр! Нашу Матильду этим зубочисткам ничего не стоило уделать! А оптика какая, товарищ старший сержант! Цейс! Я в щель заглянул — каждая травинка видна. У нас бы такое стекло давно пропили...

— Рот закрой, Рыжов, — беззлобно бросил Иван, пролезая в узкий лаз кормового люка. — Энергии дай.

Внутри танка запах был другим. Не просто гарью — чужим жильем. Запах чужой кожи на креслах наводчика, кисловатый дух ружейного масла, остатки табачного дыма. Иван провел рукой по холодной стали казенника. Восемьдесят восемь миллиметров. Орудие, которое боялись все советские танкисты. Теперь эта смерть будет работать на них.

Сверху, гулко топая подкованными сапогами по крыше башни, спрыгнул Лёнька. — Командир! — зашептал он, склоняясь к открытому люку. — Я поймал! Сорок вторая

волна! Они запрашивают эвакуацию двести тринадцатого батальона! Говорят, русские контратакуют танками неизвестной модификации! Ха-ха, это про нас! Ой... — он осекся, поняв абсурдность шутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.